

Екатеринбург: Издательский дом “Дискурс–Пи”, 2006. – 177 с.

23. Серіо П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций / П. Серіо // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.

24. Современный философский словарь / Под общей ред. д. н. профессора В. Е. Кемерова. – 3–е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.

25. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко / М. Фуко. – Киев: Ника–Центр, 1996. – 208 с.

26. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2, Frankfurt a.M., 1981. – P.21.

27. Harris Z. Discourse analysis // Language, 1952. – Vol.28. – P.1–30; 474–494.

28. Gilles Deleuze. L'immanence: une vie... // Philosophie N.47 (1–er septembre 1995). – Paris: Les edition de Minuit. – P.3–7.

References

1. Bahtin M.M. Sobr. soch.: V 7 t. T.5. Raboty 1940–1960 gg. / M.M. Bahtin. – M., 1997.

2. Borisnjov S.V. Sociologija komunikacii / S.V. Borisnjov. – M.: JuNITI–DANA, 2003. – 270 s.

3. Vladimirova T.E. Prizvannye v obshhenie: Russkij diskurs v mezhhkul'turnoj komunikacii / T.E. Vladimirova. – M.: KomKniga, 2007. – 304 s.

4. Gerbovickaja M.F. Diskurs (Rechevye praktiki v obuchenii) / M.F. Gerbovickaja // V poiskah novogo universiteta: Al'manah № 2. Serija “Universitet v perspektive razvitiya”. Belorusskij gosudarstvennyj universitet. Centr problem razvitiya obrazovanija BGU / Pod red. M.A. Gusakovskogo. – Minsk: BGU, 2002. – 108 s.

5. Grejmas A.–Zh. Semiotika. Ob#jasnitel'nyj slovar' / A.–Zh. Grejmas, Zh.Kurte // Lingvistika XX veka: sistema i struktura jazyka. – M., 2004. – Ch. II.

6. Dejk van T. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija / T. van Dejk. – M., 1989. – 331 s.

7. Domnich S.P. K voprosu o diskursivnoj prirode rechevyh praktik (metodologicheskie podhody diskursivnogo analiza jazyka) / S.P. Domnich // Materialy Chetvertoi' vseukrai'ns'koi' naukovoi' konferencii “Suchasni social'no–gumanitarni dyskursy”(22 bereznja 2014 r.). – Dnipropetrovsk: DNU im. Olesja Gonchara, 2014. – 180 s.

8. Zvegincev V.A. Predlozhenie i ego otnoshenie k jazyku i rechi / V.A. Zvegincev. – M.: Nauka, 1976. – 307 s.

9. Zorin V. Evrazijskaja mudrost' ot A do Ja [Tekst]: filosofskij tolkovyj slovar' / V.Zorin. – Almaty: SozdiK–Slovar', 2002. – 408 s.

10. Kagan M. Mir obshhenija: Problemy mezhsob#ektnyh otnoshenij / M.Kagan. – M.: Politizdat, 1988.

11. Karasik V.I. O tipah diskursa / V.I. Karasik // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: Sb. nauch. tr. – Volgograd: Peremena, 2000.

12. Kerimov T.H. Diskurs / T.H. Kerimov // Sovremennyj filosofskij slovar' / Pod obshhej red. d. f. n. professora V.E. Kemerova. – 3–e izd., ispr. i dop. – M.: Akademicheskij projekt, 2004. – 864 s.

13. Kibrik A. Diskurs. Jelektronnyj resurs / Andrej Kibrik, Pavel Parshin // Jenciklopedija “Krugosvet”, 2001 / Rezhim dostupa: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html, 2001, svobodnyj.

14. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa / M.L. Makarov. – M.: ITDGG “Gnozis”, 2003. – 280 s.

15. Megentesov S. V prostranstve sub#ektno–predikatnyh form / S.Megentesov // Filosofija jazyka: v granicah i vne granic / Ju.S. Stepanov, V.V. Prokopenko, Ju.I. Svatko i dr. Nauch. red. toma D.I. Rudenko. – H.: Oko, 1994. – T.2. – 176 s.

16. Mihaljova O.L. Diskurs ob#ekta vs diskurs sub#ekta: sistemoobrazujushhie priznaki / O.L. Mihaljova // Sistemnoe i asistemnoe v jazyke i rechi: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Irkutsk, 10–13 sentjabrja 2007 g.) – Irkutsk, 2007.

17. Novaja filosofskaja jenciklopedija. – M.: Mysl', 2010. – T.1.

18. Novejšij filosofskij slovar' / Sost. i gl. n. red. Gricanov A.A. – 3–e izd. ispr. – Minsk: Knizhnyj dom, 2003. – 1280 s.

19. Oleshkov M.Ju. Modelirovanie kommunikativnogo processa: Monografija / M.Ju. Oleshkov. – Nizhnij Tagil: Ural. gos. ped. un–t, Nizhnetag., gos. soc.–ped. akad., 2006. – 336 s.

20. Peshjo M. Itogi i perspektivy. Po povodu avtomaticheskogo analiza diskursa / M.Pjoseh, K.Fuks // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. – M., 1999.

21. Rozenshtok–Hjussi O. Kopernikovskij perevorot v grammatike / O.Rozenshtok–Hjussi. Bog zastavljaet nas govorit'. – M.: Kanon+, 1998.

22. Rusakova O.F. Sovremennye teorii diskursa: opyt klassifikacij / O.F. Rusakova // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz (Serija “Diskursologija”). – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom “Diskurs–Pi”, 2006. – 177 s.

23. Serio P. Russkij jazyk i sovetskij politicheskij diskurs: analiz nominacij / P.Serio // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. – M., 1999.

24. Sovremennyj filosofskij slovar' / Pod obshhej red. d. f. n. professora V.E. Kemerova. – 3–e izd., ispr. i dop. – M.: Akademicheskij projekt, 2004. – 864 s.

25. Fuko M. Arheologija znaniya: Per. s fr. / Obshh. red. Br. Levchenko / M.Fuko. – Kiev: Nika–Centr, 1996. – 208 s.

26. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2, Frankfurt a.M., 1981. – P.21.

27. Harris Z. Discourse analysis // Language, 1952. – Vol.28. – P.1–30; 474–494.

28. Gilles Deleuze. L'immanence: une vie... // Philosophie N.47 (1–er septembre 1995). – Paris: Les edition de Minuit. – P.3–7.

Domnich S.P., seniorteacher Center of international education V.N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine, Kharkov), spdom.286@gmail.com

Discursive nature of speech practices: philosophical–anthropological grounds of language discursive analysis

The article deals with discursive nature of speech practices examined in the context of methodological approaches of language discursive analysis. It presents the analysis of speech practices models in line with philosophical–anthropological coordinates of discourse by means of language actualization in speech, in socio-cultural communication.

Keywords: speech practices, discourse, philosophical anthropology, philosophy of language, methodological approaches, socio-cultural communication.

Домніч С. П., старший викладач Центру міжнародної освіти, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна (Україна, Харків), spdom.286@gmail.com

Дискурсивна природа мовленнєвих практик: філософсько–антропологічні основи дискурсивного аналізу мови

Розглядається дискурсивна природа мовленнєвих практик через призму методологічних підходів дискурсивного аналізу мови. Проаналізовані моделі мовленнєвих практик у руслі філософсько–антропологічних координат дискурсу за допомогою актуалізації мови у мовленні, в соціокультурній комунікації.

Ключові слова: мовленнєві практики, дискурс, філософська антропологія, філософія мови, методологічні підходи, соціокультурна комунікація.

* * *

УДК 800/801

Насибов В. Б.

доцент кафедри сучасного російського мови педагогічного факультета, Бакинський славянський університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ И СПОСОБАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Необходимость уровневой характеристики словообразования заставляет определить однородность элементов и процессов словообразовательного статуса. Бесспорным является тот факт, что в зависимости от общего определения словообразования и его границ решается вопрос о возможности включения того или иного элемента (единицы), процесса в словообразование. Это, в свою очередь, приводит к расширению или сужению границ словопроизводства, его системной и уровневой характеристики.

Ключевые слова: номинация, деривация, словообразование, субстантивация, формально–семантический сдвиг.

(статья друкється мовою оригіналу)

Как известно, уже с 60–х, 70–х годов прошлого века русское языкознание заслуженно признало самостоятельный статус словообразования (дериватологии) и выделило его отдельным уровнем между фонетикой и морфологией в последней Академической Грамматике, что нашло свое отражение также в теоретических учебниках, учебных пособиях, чего нельзя сказать об азербайджанском языкознании. В нем словообразование по–

старому растворяется то в морфологии, то в лексикологии, поскольку еще многие главные вопросы этого уровня остались просто вне рассмотрения. Поэтому, например, в азербайджанском языке в объект словообразования включаются и заимствование, и аббревиация, и омонимия, и опрощение слов, то есть нет границы между словообразованием и другими способами номинации. Данный вопрос и в русском языке нуждается в желаемом освещении.

Примером расширения границ рассматриваемого явления может служить попытка квалифицировать деривацию любого порядка (уровня) как словообразование, что, в свою очередь, приводит к необходимости подмены термина “словообразование” термином “лексемообразование”.

В. М. Никитевич, например, в словообразовательную деривацию включает образования типа *сомневаться – выражать сомнение, старик – (тот), кто стар* и т.д.

Исследователь полагает, что “таким образом исчезает противоречие, состоящее в том, что мотивирующим может быть как слово, так и сочетание слов, а мотивированным только отдельное слово”¹. Надо отметить, что в русском языке сочетания слов не выступают как мотивирующие, за исключением случаев типа: *место жительства – местожительство, районный комитет – райком* и т.д., словообразовательный характер производности которых нам представляется небесспорным.

Представляется, что должны существовать границы между словообразованием и номинацией вообще, то есть между порождением слов и порождением единиц разных уровней и разной степени сложности, характеризующих номинативной функцией. С этой точки зрения “словообразовательная недостаточность” не может быть критерием необходимости расширения границ словообразования, скорее наоборот, может рассматриваться как признак (сигнал) исчерпанности возможностей словообразования и необходимого перехода на другой уровень, то есть к образованию несловесных номинативных единиц. Следовательно, “словообразовательная недостаточность” может рассматриваться как фактор, оправдывающий наличие другого уровня.

Указывая на соотнесенность производности и деривации с другими уровнями, Е. С. Кубрякова пишет: “Исходя из этого, можно полагать, что отношения производности, или деривационные отношения имеют основополагающее значение не только для морфологического или синтаксического уровней (ср. развертывание ядерных предложений в другие синтаксические структуры), но и для всей системы языка в целом, ибо принцип деривации пронизывает собой весь процесс синтеза речи и ее восприятие” [2, с. 174].

Следовательно, необходимо четко дифференцировать словообразовательную деривацию и другие типы деривации (порождения). С точки зрения изоморфизма языковых уровней характер словообразовательного процесса и других способов номинации может (а в определенных параметрах должен) совпадать, что объясняется наличием отношений пересечения или включения между этими процессами. Отличия же между ними проявляются в характере (с точки зрения плана выражения и плана содержания) элементов и в принадлежности единиц, в пределах которых происходят эти про-

цессы, к разным уровням (слово, словоформа, лексема, словосочетание и т.д.).

По отношению к морфологическим процессам словообразование характеризуется тем, что при допустимой (но не обязательной) идентичности элементов (морфем) словопроизводства и морфологии, различия между ними проявляются в результатах процесса: результат словообразования – новое слово (в противоположность словоформе). Определение особенностей словообразовательного уровня (системы) на основе специфики элементов и процессов, входящих в объект рассмотрения (под словообразовательной производностью понимаются структурно–семантические сдвиги, проявляемые в противопоставлении мотивирующего и мотивируемого), безусловно, накладывает ограничения на возможность рассмотрения в качестве словообразовательной производности и, следовательно, объекта словообразования противопоставлений типа:

с ума шедший – сумасшедший;

место жительства – местожительство;

кулак (рука) – кулак (социальный класс);

больной (человек) – больной (лежит);

районный комитет – райком,

которые традиционно рассматриваются как аббревиация, сращение, лексико–семантическое, морфологическое словообразование.

В самых общих чертах под словообразованием понимают процесс образования новых слов. Для более частной (детальной) характеристики этого процесса необходимо уточнить понятие “новое слово”. Под новым словом обычно понимают второй член оппозиции “производящее – производное”, который характеризуется структурной и семантической модифицированностью. При этом почти все исследователи признают необходимость учета “формально–семантического” сдвига при деривации. Так, Е. С. Кубрякова пишет: “Таким образом, именно наличие структурно–семантического сдвига во вторичной единице по сравнению с исходной единицей заставляет выделять, наряду с отношениями формальной производности, совершенно особый тип формально–семантических отношений – отношений словообразовательной производности” [2, с. 197].

Надо отметить, что при практическом решении вопроса об отнесении того или иного явления к словообразованию порою считается достаточным один из этих признаков (семантический или формальный), т.е. признается достаточным изменение одного порядка, чтобы выделяемый процесс рассматривался как словообразование, что противоречит конституентности формальных и семантических сдвигов при словообразовании.

Конкретно это проявляется в том, что в словообразование включают случаи перехода частей речи (в частности, субстантивация), случаи многозначности, где наблюдается изменение только плана содержания, и аббревиацию, где происходит изменение плана выражения, направленное на употребление минимальных средств для выражения сложной (многокомпонентной) номинации. В работах последних лет лексико–семантический процесс не рассматривается как объект словообразования. Это положение обосновывается необходимостью отнесения этого явления к словоупотреблению.

Морфолого–синтаксический способ, сводимый к переходу прилагательных в существительное (на наш взгляд, при определении этого способа словообразования наблюдается непоследовательность; переход других частей речи, например, существительных, прилагательных, числительных в местоимение, причастий в прилагательное, не включается в этот способ), рассматривается как словообразовательный процесс на основании выделения в качестве словообразовательного средства специфики словообразовательной парадигмы, то есть появления определенной недостаточности в парадигме вновь образованного слова.

“Таким образом, можно сказать, что субстантивация прилагательных – это образование существительных, структурно мотивированных прилагательными, с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного (парадигмы одного грамматического рода или множественного числа). При этом какие–либо дополнительные формальные отличия мотивированного и мотивирующего (чередование, различие места ударения, усечение основы и т.д.) отсутствуют” [3, с. 231].

Как видно из сказанного, основным признаком, позволяющим отнести субстантивацию к словообразованию, является наличие парадигмы одного грамматического рода или числа. Это, очевидно, может быть объяснено переходом в существительное определенной (конкретной) словоформы прилагательного, а не прилагательного со всеми своими грамматическими формами.

С другой стороны, в русской речи встречаются употребления разных форм прилагательных в качестве существительных. Ср.: *красные* (красногвардейцы), *красное* (вино), *кондитерская*, *Малый* и *Большой* (театры) и т.д.

В то же время, очевидно, надо отметить, что субстантивация может быть рассмотрена как особая разновидность омонимии (функциональная омонимия), а омонимия, синонимия и многозначность не могут быть рассмотрены как словообразование, поскольку различия затрагивают либо план выражения (синонимия), либо план содержания (омонимия и многозначность), и между омонимичными и синонимичными явлениями устанавливается отношение существования, а не производности, хотя в историческом и лексикологическом плане установление такого отношения в принципе возможно.

Очевидно, наличие отношения пересечения между планами содержания (ср., например, синонимический ряд *врач – доктор – медик – лекарь – эскулап* или семантические поля “чувство”, “действие”, “переменное состояние”) еще не говорит об отношении производности между членами синонимического ряда или семантического поля. Следовательно, понятие словообразовательного гнезда и семантического поля не одно и то же. Словообразовательное гнездо предполагает наличие морфологической производности – производности, осуществляемой морфологическими средствами и в пределах слова. Точно так же наличие отношения пересечения или эквивалентности между планами выражения типа *лечить – врач, стирать – прачка, шить – портной* и т.д. не может рассматриваться как наличие отношения словообразовательной производности.

Таким образом, субстантивация как синтаксическая омонимия, характерная для подавляющего большинства

прилагательных русского языка (сравним возможность употребления глагола или прилагательного как подлежащего), не может быть рассмотрена как способ словообразования. Тем более что сторонники отнесения субстантивации к словообразованию признают омонимичность рассматриваемых “производящих и производных” форм: “...субстантивация понимается нами с синхронической точки зрения как мотивация существительных прилагательного склонения омонимичными прилагательными или причастиями независимо от истории возникновения этих существительных” [3, с. 207].

По существующей лингвистической традиции случаи сокращения плана–выражения средств синтаксической номинации (словосочетаний) рассматриваются как процесс словообразования (аббревиация); считается, что “при аббревиации (способе словообразования, объединяющем все типы сложнокращенных и сокращенных образований) в состав форманта входят: а) произвольное (безразличное к морфемному членению) усечение основ, входящих в мотивирующее словосочетание, последнее из которых может и не быть сокращено; б) единое ударение; в) определенная система флексий в соответствии с отнесением аббревиатуры к одному из типов существительных” [5, с. 42].

Рассмотрение в качестве словообразовательного средства произвольного усечения основ, единого ударения, системы флексий произвольного слова (которая, кстати, может быть рассмотрена как сохранение флексий стержневого слова) неоправданно расширяет границы словообразовательного уровня, а рассмотрение в качестве мотивирующего (производящего) словосочетания, то есть синтаксических единиц, в принципе может привести к пониманию порождения любой единицы номинации (в том числе и синтаксической) как словообразовательного процесса.

В таком случае термин “словообразование” теряет свое терминологическое значение.

Представляется, что эти факты должны быть объяснены действием закона экономии языковых средств. Сравни: *подвиг, который совершил разведчик; подвиг, совершенный разведчиком; подвиг разведчика*. Последнее словосочетание рассматривается как словосочетание с “повышенной функциональной нагрузкой”. “Словосочетание с повышенной функциональной нагрузкой составляет сильное звено современного синтаксиса речи, так как полностью отвечает стремлению к лаконичности и экономичности выражения” [8, с. 231].

К подобным явлениям могут быть отнесены субстантивация и аббревиация, при субстантивации происходит конденсация плана содержания: *больной человек – больной, красное вино – красное*, а при аббревиации – конденсация плана выражения: *районный комитет – райком, зачетная книжка – зачетка*.

Эти процессы могут быть рассмотрены как способы речевой (функциональной) номинации, но не как процесс словообразования. Только при рассмотрении словообразования как способа номинации морфологическими средствами оно соответствует своей терминологической назначенности. В противном случае понятие “словообразование” должно приравниваться к понятию

* Именно с такой постановкой вопроса встречаемся в упомянутой выше работе В. М. Никитевича.

“номинация”, которая дифференцируется на морфологическую (первичная и производная), синтаксическую и функциональную (речевую).

Все сказанное позволяет считать, что уровневый и системный характер словообразования предполагает рассмотрение словообразования как морфологического процесса (создание новых слов морфологическими средствами номинации). Особенности этого процесса проявляются в противопоставлении “производящее – производное”, различающихся по признакам плана выражения и плана содержания.

Очевидно, этим объясняется тот факт, что традиционно основным способом считается морфологический способ словообразования. Такое определение границы словообразования не исключает возможности (а для исследования межуровневых процессов – необходимости) определения места словообразования в системе общезыковой номинации.

Список использованных источников

1. Кубрякова Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М., 1966.
2. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. – М., 1974.
3. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967.
4. Никитевич В. М. О деривационной системности и предмете деривационной грамматики // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 36–42.
5. Русская грамматика. – М.: Наука, 1983. – Т. 1.
6. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. 9-е изд. – М.: Айрис-Пресс, 2007.
7. Современный русский язык. Морфология: Учебник для студентов филологических факультетов вузов / С. И. Богданов, М. Д. Вайкова, В. Б. Евтухин и др. – СПб.: факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007.
8. Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. – Киев, 1976.
9. Qurbanov A.M. Müasir Azərbaycan dili: 2 cildə, 1 c. – Bakı: Nurlan, 2003.
10. Müasir Azərbaycan dilinin morfolojiyası. – Bakı, 1961.
11. Talibov Q. Müasir Azərbaycan dilində söz yaradıcılığı prosesi. – Bakı, 1988.

References

1. Kubrjakova E.S. O putjah izuchenija tipologicheskix osobennostej jazyka v oblasti slovoobrazovanija // Strukturno-tipologicheskoe opisanie sovremennyh germanskix jazykov. – M., 1966.
2. Kubrjakova E.S. Osnovy morfologicheskogo analiza. – M., 1974.
3. Lopatin V.V. Substantivacija kak sposob slovoobrazovanija v sovremennom russkom jazyke // Russkij jazyk. Grammaticheskie issledovanija. – M., 1967.
4. Nikitevich V.M. O derivacionnoj sistemnosti i predmete derivacionnoj grammatiki // Voprosy jazykoznanija. – 1976. – № 2. – S.36–42.
5. Russkaja grammatika. – M.: Nauka, 1983. – T.1.
6. Sovremennij russkij jazyk / D.Je. Rozental', I.B. Golub, M.A. Telenkova. 9-e izd. – M.: Ajris-Press, 2007.
7. Sovremennij russkij jazyk. Morfoloģija: Učebnik dlja studentov filologičeskix fakul'tetov vuzov / S.I. Bogdanov, M.D. Vajkova, V.B. Evtjuhın i dr. – SPb.: fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2007.
8. Tulina T.A. Funkcional'naja tipologija slovosoczetanij. – Kiev, 1976.
9. Qurbanov A.M. Müasir Azərbaycan dili: 2 cildə, 1 c. – Bakı: Nurlan, 2003.
10. Müasir Azərbaycan dilinin morfolojiyası. – Bakı, 1961.
11. Talibov Q. Müasir Azərbaycan dilində söz yaradıcılığı prosesi. – Bakı, 1988.

Nasibov V.B., assistant professor of modern Russian Pedagogical Faculty, Baku Slavic University (Azerbaijan, Baku), q.abbasova@mail.ru

On the question of boundaries and ways of word formation in Russian and Azerbaijani languages

Necessity tier characteristics derivation makes determine uniformity word-forming elements and processes status. Indisputable is the fact that, depending on the general definition of word boundaries and dares question the possible inclusion of a particular element (unit), a process in derivation. This in turn leads to the widening or narrowing of the word derivation boundaries, its systemic and tier characteristics.

Keywords: Awards, derivation, composition, substantivisation, formal semantic shift.

Насибов В. Б., доцент кафедры сучасної російської мови педагогічного факультету, Бакинський слов'янський університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

До питання про кордони і способи словотворення в російській та азербайджанській мовах

Необхідність рівневої характеристики словотворення змушує визначити однорідність елементів і процесів словотвірного статусу. Безперечним є той факт, що в залежності від загального визначення словотворення і його кордонів вирішується питання про можливість включення того чи іншого елемента (одиниці), процесу в словотвір. Це, в свою чергу, призводить до розширення або звуження меж словотворення, його системної і рівневої характеристики.

Ключові слова: номінація, деривація, словотвір, субстантивізація, формально-семантичний зсув.

* * *

УДК 408.7:811.411.21

Алигулієва Л. Г.

доцент кафедри перекладу, іноземного мови та літератури, Бакинський Євразійський університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

ТЮРКСЬКІ ЯЗЫКИ І АРАБСЬКИЙ ЯЗЫК

Обогащение словарного состава языка происходит не только на основе местных диалектов и возможностей словообразования. Этот процесс происходит также во многом благодаря заимствованию слов из других языков. Культурные, научные, политические, дипломатические связи, всегда существовавшие между различными народами, безусловно, находили свое отражение и в их языках. В Азербайджане правление арабов, распространение здесь ислама явилось причиной того что арабский язык оказал очень серьезное влияние на азербайджанский язык.

Ключевые слова: тюркские языки, арабский язык, заимствованные слова.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Зарождение ислама, его поистине глобальное распространение явилось причиной создания мощного государства, которое в свою очередь организовывало крупные военные походы. Арабские завоевания охватывали весь тюркский мир. В эпоху Сельджуков в Азербайджане наблюдалось серьезное культурное развитие. В то же время это способствовало развитию всей исламской культуры в целом. В сущности, участие азербайджанского народа в развитии исламской культуры начинается с VIII в., т.е. с началом правления династии Аббасидов. Из исторических источников известно, что большинство т.н. поэтов-мавали (т.е. мусульман неарабского происхождения) являлись по происхождению азербайджанцами [4, с.1].

Азербайджанцы, трудившиеся в самых разных центрах науки и образования исламского мира, оставили после себя ценнейшее наследие – труды в области медицины, фикха (исламское право), философии, языкознания. Имена этих ученых навечно вошли в историю науки. BVII–VIII в. арабский язык стал в Азербайджане языком науки. Азербайджанскими мыслителями, такие, как Мухаммед ибн Маргаи, ХатибТабризи, ГатранТабризи, Абу Мухаммед аль–Варанди, Сафиаддин аль–Урмави (музыкант и лингвист), Махмуд аль–Аррани, Мухаммед